

СТАТУС ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Ван Ваньвань

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
1456208078@qq.com

STATUS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Wang Wanwan

Summary: Anthropocentrism of modern linguistics leads to increased interest in the study of the linguistic picture of the world. This article compares the role of Russian and Chinese phraseological units in organizing linguistic pictures of the world, mainly participating in the representation of national concepts. Particular attention is paid to the comparison of the structural, semantic and pragmatic features of Russian and Chinese phraseological units. The sources of material for the analysis are «Ushakov's explanatory dictionary» [10], «The large phraseological dictionary of the Russian language» [9], and «The Russian-Chinese phraseological dictionary» [14].

Keywords: grammatical structure, semantic classification, origin, linguistic picture of the world, comparative method.

Аннотация: Антропоцентризм современной лингвистики обуславливает повышенный интерес к исследованию языковой картины мира. В данной статье сравнивается роль русских и китайских фразеологизмов в организации языковых картин мира, главным образом участие в репрезентации национальных концептов. Особое внимание уделено сопоставлению структурных, семантических и прагматических особенностей русских и китайских фразеологизмов. Материалом исследования послужили «Толковый словарь Ушакова» [10], «Большой фразеологический словарь русского языка» [9], и «俄汉成语词典» [14] (Русско-Китайский фразеологический словарь).

Ключевые слова: грамматическая структура, семантическая классификация, происхождение, языковая картина мира, сопоставительный метод.

Многие лингвисты (Ш. Балли, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон и др.) вслед за немецким филологом В. Гумбольдтом отмечали, что язык имеет связь с культурой, бытом, национальным сознанием народа. «В языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собой «бесценные ключи» к пониманию этих аспектов культуры» [2, с. 8].

Национально-специфическое видение мира можно выявить посредством анализа фразеологизмов, которые являются ярким средством языковой интерпретации действительности, отражая стереотипные для данного языкового коллектива ассоциативно-образные представления. Чтобы глубже проанализировать национально-культурное своеобразие фразеологизмов, принято сопоставлять их образы, возникшие и функционирующие в разных языках и служащие отражением разных культур.

В данной статье вслед за В.В. Виноградовым и Н.М. Шанским мы считаем, что понимание русского фразеологизма как «воспроизводимой в готовом виде языковой единицы, структурно выходящей за рамки слова и имеющий целостное значение, предполагает включение в границы фразеологии большой группы устойчивых образований, от идиом до пословиц и крылатых слов» [4, с.12].

Понятие языковой картины мира (ЯКМ) появилось в 60 гг. XX века. Известная русская исследовательница М.П. Одинцова определяет ЯКМ как «образы мира, запечатленные в семантике языка, взятое в своей совокупности все концептуальное содержание данного языка» [7, с. 28]. Национальная языковая картина мира отражает специфику культуры народа, которая проявляется в языковых единицах разных уровней, которые включают в себя не только лексику, синтаксические конструкции, но и фразеологизмы. Все они являются средствами трансляции знаний, формирующих языковую картину мира. Она существует в ряде разновидностей: в том случае, если объектом лингвокультурологического анализа являются фразеологизмы, говорят о фразеологической картине мира. Она как часть национальной языковой картины, описывает мир посредством ситуаций, закрепленных в образах фразеологизмов. Поэтому во фразеологической картине мира каждый фразеологизм, с одной стороны, выполняет функцию описания реалий окружающей действительности, а с другой – концептуализирует их посредством объединения во фразеологические гнезда, центром которых выступают стержневые компоненты, регулярно повторяющиеся в устойчивых выражениях (например: *в ногах правды нет; правдой сыт не будешь; служить верой и правдой; смотреть правде в глаза; резать правду матку; правдами и неправдами*).

С точки зрения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова,

фразеологизмы могут отражать специфику национальной культуры следующими способами:

1. «нерасчлененно; комплексно (всеми компонентами вместе)» [1, с. 178]. В этом случае только носитель языка, опираясь на знание своей национальной культуры, может правильно дешифровать представления, положенные в основу фразеологизма, и остающиеся непонятными для иностранцев. Например: фразеологическое выражение человек в футляре характеризует трусливого человека. При этом носитель русского языка легко припомнит хорошо известное произведение А.П. Чехова, которое отражает традиционные представления о данном качестве души человека. Китайский фразеологизм 此地无銀三百两 «здесь не закопаны 300 лянов серебра» используется в ситуации, когда человек пытается что-то скрыть, но сам же себя и выдает своими действиями. В основе этого фразеологизма лежит китайская народная притча.
2. «расчленённо (единицами своего состава)» [1, с. 178]. Обычно так проявляются фоновые схемы тех фразеологизмов, стержневой компонент которых содержит экзотизм для иностранной аудитории. Некоторые из таких слов принадлежат к числу безэквивалентных или частичноэквивалентных и наиболее отчетливо реализуются в составе фразеологических сочетаний. В шахматной игре многозначные глаголы ходить, пойти используются в значении «переместить фигуру» (ферзь – одно из названий королевы, самой сильной шахматной фигуры). Ср. ещё: желтая пресса, белый танец; 穿小鞋 надевать тесные туфли – «чинить преграды кому; придираться; ставить кого в неловкое положение», 三级跳 тройной прыжок – «стремительная карьера; быстрый рост» и т.д.
3. «фразеологизмы могут отражать национальную культуру своими прототипами» [1, с. 179]. Например, прототипы фразеологизмов могут рассказать о стереотипных представлениях носителя русского и китайского языков об окружающей действительности (русские фразеологизмы: дразнить гусей, куры не клюют, брать быка за рога, как баран на новые ворота, как корове седло, волком выть, медвежий угол, Лиса Патрикеевна; китайские фразеологизмы: 柳腰莲脸 ивовая талия, лотосовое лицо – «женщина восхитительной красоты», 搭鹊桥 наводить сорочий мост – «устраивать брачные знакомства»).

Сравнительное исследование русской и китайской фразеологических картин мира позволяет составить более объективное представление о роли фразеологических единиц в их структурно-семантической организации.

Наблюдения российских фразеологов свидетель-

ствуют о том, что русские фразеологизмы обладают такими конститутивными признаками, как семантическая целостность, воспроизводимость, устойчивость, расчлененность структуры и др. Кроме того, они характеризуются яркой образностью эмоциональной и стилистической окрашенностью и широко используются как в устной, так и в письменной речи. Признаки ФЕ в большой степени определяют основные критерии их выделения и классификации: семантическая слитность; структурные особенности; функциональная характеристика.

По степени семантической слитности В.В. Виноградов выделил три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. Н.М. Шанский выделяет также дополнительный вид – фразеологические выражения. Каждый из указанных типов отличается рядом дифференциальных признаков:

1. Фразеологическими сращениями называются такие «семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов» [11, с.198]. Например, *спустя рукава – лениво, как пить дать – обязательно*.
2. Фразеологические единства – семантически неделимые и целостные единицы, внутренняя форма которых обусловлена целостным образным переосмыслением словесного комплекса – прототипа. Например, *держат камень за пазухой – затаить злобу*.
3. Фразеологические сочетания – «обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение, проявляется лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений» [8, с. 22]. Например, *потупить взор/голову* (в языке нет устойчивых словосочетаний потупить руку, потупить ногу). Глагол потупить в значении «опустить» имеет фразеологически связанное значение и с другими словами не сочетается.
4. Фразеологическое выражение – «это устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые являются не только семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» [11, с. 203]: *не все то золото что блестит, любви все возрасты покорны, крутиться как белка в колесе*.

В китайской лингвистике исследования в области фразеологии не выделяется в качестве самостоятельной дисциплины, но интерес к данному разделу всегда был значительным. В китайских журналах были опубликованы ряд статей, «посвященные анализу чэньюй; пословиц и поговорок; афоризмов и сехоуэй (недоговорок – инсказаний; изречений из двух частей: сначала презентует-

ся недоговорка, а затем его раскрытие, раскрытие обычно опускается)» [6, с. 7].

В китайском языке фразеологизм или фразеологическая единица обозначается общепринятым термином 熟语 (шуйюй). Как отмечает И.В. Войцехович, китайские фразеологизмы классифицируются «скорее по их происхождению и стилистической отнесенности, а не по структурно-семантическим признакам» [4, с. 17]. Так, Ма Гофань выделяет пять основных разрядов фразеологических единиц:

1. чэньюй – идиома;
2. яньюй – пословица;
3. сехоуэй – недоговорка-иносказание;
4. гуаньюньюй – привычные выражения;
5. суйюй – поговорка» [13, с. 11].

В данном исследовании мы уделяем пристальное внимание важнейшему классу в системе китайских фразеологизмов – чэньюй (идиома).

Чэньюй – «устойчивое словосочетание и/или краткое выражение, в течение многих веков употребляемое людьми в готовом виде, небольшие по объему, но с глубоким смыслом» [13, с. 12].

Представляя собой словосочетание или предложение, чэньюй в структурном отношении не равен слову. Однако по своей функции в предложении чэньюй сопоставим со словом, функционирует в языке, как отдельный член предложения. Ср. *中国是俄罗斯患难与共的朋友*: (Китай – друг России, готовый *разделить* с ней *горе и невзгоды*).

Чэньюй, как и русские фразеологизмы, извлекаются из памяти в готовом виде, а не создается в процессе общения. Целостное значение чэньюй в большой степени мотивировано значением составляющих его компонентов. Например, чэньюй *刻舟求剑* *делать заметки на лодке, чтобы найти (упавший в реку) меч* говорится о человеке, который действует без учета изменившихся обстоятельств. Видно, что значение чэньюй не выводится из значений составляющих его компонентов. Как отмечает И.В. Войцехович, «в чэньюй, большинство из которых по теории В.В. Виноградова можно отнести к фразеологическим сращениям или фразеологическим единствам, критерий устойчивости проявляется особенно наглядно» [4, с. 43].

В основе чэньюй всегда лежит какой-либо образ. Например, *抱头鼠窜* *обхватить руками голову и улізнуть подобно крысе*, обр. в знач.: бежать в панике; обратиться в бегство. В китайском языке часто употребляется такое выражение: *трусливый как мышь* (а в русском языке *трусливый как заяц*).

Видно, что чэньюй обладает всеми основными свой-

ствами ФЕ, а именно: сверхсловностью, воспроизводимостью, целостностью значения, устойчивостью структуры, образностью. Как можно заметить, большинство конститутивных признаков русских и китайских фразеологизмов совпадают.

По мнению И.В. Войцеховича, грамматическая структура чэньюй обычно выражается формулой «определение + подлежащее – определение + сказуемое – определение + дополнение (ОП – ОС – ОД)» [4, с. 23] и ее вариациями. Например, *佛口蛇心* (О – П – О – П) – говорить одно, думать другое; на языке медок, а в сердце ледок (букв. «речи Будды, мысли змеи»). В русской культуре змея всегда считалась символом зла, ассоциировалась с негативными проявлениями природы (Змея подколодная). В китайской культуре змея является одним из двенадцати священных животных, которые известны как знаки китайского гороскопа. Змея символизирует не только мудрость, счастье и благополучие, но и негативное, злобное, лживое и хитрое начало. Видно, что в чэньюй *佛口蛇心* образ змеи имеет отрицательную окраску.

Основываясь на исследованиях В.И. Горелова, чэньюй имеет четкую структуру и по способу образования делятся на два вида: параллельной и непараллельной конструкции. Первая группа состоит из четырех морфем-слов. В этой группе широко представлены следующие типы параллелизма, такие, как:

1. параллелизм количественный, т.е. одинаковое число слов;
2. параллелизм лексико-семантический, т.е. сходство по лексическому составу;
3. параллелизм грамматический, т.е. аналогичная синтаксическая структура» [5, с. 12].

Например, *否极泰来* – *на смену неудаче приходит удача* (букв. «горькое иссякнет, сладкое придет»). Оба звена и строятся по правилам параллелизма, и основой является грамматическая и семантическая парность. Грамматическая парность проявляется в том, что соотносимые компоненты фразеологизмов всегда выражают принадлежность к одной и той же части речи и имеет однотипную синтаксическую структуру: во фразеологизме *否极泰来* (горькое иссякнет, сладкое придет) – подл. (сущ.), сказ. (гл.), подл. (сущ.), сказ. (гл.). А семантическая парность заключается в том, что соотносимые слова из разных звеньев входят в одно семантическое поле (или понятийную ассоциацию слова) и образуют семантическую пару: во фразеологизме *否极泰来* первый и третий компоненты (неудачи, удачи) – антонимы в одной и той же понятийной ассоциации; второй и четвертый компоненты (иссякать, приходить) представляют собой также антонимы.

По морфемному составу идиомы второй группы, нередко представляют собой четырехморфемные фразео-

логические образования. Однако среди них встречаются также идиомы, состоящие из трех или более морфем. Например, *替罪羊* – козел отпущения, т.е. безвинный человек; *铁公鸡* – железный петух, т.е. скупой человек. Следует отметить, что идиомы непараллельной конструкции допускают использование служебных слов. Нередко в их составе встречаются союзы, предлоги, отрицательные частицы. Например, *无所事事* – сидеть без дела, бездельничать (букв. «нет никакого дела»).

Русские фразеологизмы не имеют столь четкой грамматической структуры. У фразеологических сращений она иногда устанавливается с трудом, у фразеологических единств может совпадать со структурой словосочетаний, где главным словом способны выступать существительное, местоимение, глагол, прилагательное, наречие и числительное; у фразеологических сочетаний синтаксическая структура наиболее очевидна, в них легко устанавливаются главное и зависимое слова, в роли которых наиболее часто выступают существительные и глаголы (сущ. + прил.; гл. + сущ. в косв. пад.) [12, с. 66-69]. Фразеологические выражения, главным образом пословицы и поговорки, имеют структуру предложения и могут быть описаны с точки зрения синтаксической модели [12, с. 82].

Национальное своеобразие языковых картин мира обусловлено тем, что в них отразилась специфика национального мировосприятия, закрепившаяся в классической литературе, истории и философии, фольклоре, в частности поверьях, легендах и мифах, часто становившихся источниками фразеологии. К источникам происхождения чэньюй относятся также религиозные учения (особенно буддизм), пословицы и крылатых слов. Например, *苦海无边, 回头是岸* (буквально – море мук безбрежно, поверни голову назад и будет берег). Буддисты считают, что только с помощью отшельничества люди могут избежать метемпсихоза жизни и смерти, достичь того света и выйти из моря мук. И если кто-то хочет достичь того света, то нельзя делать плохие дела, а только нужно совершать добрые поступки. *夸父追日* – «Куа фу гнался за солнцем», обр. в знач.: предпринимать дело свыше своих сил; по мифу о великане Куа фу, который задался целью нагнать солнце, но, томимый солнечной жарой, умер в пути от жажды.

Происхождение русских фразеологизмов также тесно связано с историческими событиями, мифологией, религиозными и суеверными представлениями. Например, фразеологизм *избиение младенцев* заимствован из «Евангелия от Матфея» и означает «жестокую массовую расправу над невинными, беззащитными людьми»; *потемкинская деревня* (из исторического анекдота) – «обман и показной блеск, скрывающий неблагополучие». Довольно богатым источником фразеологизмов являются и фольклор, библия и художественные произведения:

манна небесная (из Библии) – «ожидаемое, жизненно важное, ценное желанное»; *тришкин кафтан* (из басни И.А. Крылова) – «необдуманно исправлять проблему, создавая еще худшую». Небольшая часть русских фразеологизмов заимствовались из других языков: *авгиевы конюшни* (из греческой мифологии) – «О запущенной проблеме, беспорядке в делах и т.д.»; *terra incognita* (с лат. Terra Incognita) – «неизвестная земля».

Как русские, так и китайские фразеологизмы характеризуют предмет или ситуацию с помощью какого-либо образного представления, передающего оценку. Образное представление отражает особенности национальной культуры, так, например, наиболее часто употребляемыми финонимами в составе ФЕ китайского языка являются *бамбук* (символ прямоты, благородства, стойкости, твердости характера), *лотос* (символ высшей чистоты, или о изящной походке), *сосна* (символ долголетия), *слива* (символ сильного и смелого человека), *орхидея* (символ изящества, скромности; о свежем дыхании красавицы), *персик* (символ красоты, здоровья и любви), *фасоль угловатая* (т.е. красная фасоль, символ любви) и др. Например, китайская пословица гласит: *宁可食无肉, 不可居无竹* – благородство и душевная чистота выше всех (букв. лучше еда без мяса, чем дом без бамбука); *松柏之寿* – долголетие сосны и кипариса; *步步生莲* – каждый шаг рождает цветок лотос, обр. в знач.: ходить легко и грациозно; *吐气若兰* – выдыхать ароматом орхидеи, обр. о свежем дыхании красивой молодой женщины; *桃花运* – судьба персика, обр. о наступлении любви; *桃腮杏眼* – щеки как персики, глаза как абрикос обр. в знач.: красивое лицо, прелестная наружность.

В русских фразеологизмах со стержневыми компонентами – зоонимами и фитонимами также заключен коннотативный заряд, используются как элемент метафорического сравнения, образно характеризуя внешность и красоты человека. Например, *очи соколы, брови соболю* (в китайском языке брови, как листья ивы; глаза, как косточки абрикоса – *柳眉杏眼*); лицо, как *воронье яйцо* (в китайском языке лицо напоминает гусиное яйцо – *鹅蛋脸*); *журавлиная шея* (в китайском языке лебединая шея – *天鹅颈*); *осиная талия* (в китайском языке талия как тонкая ива – *腰如细柳*); *походка павлина* (в китайском языке каждый шаг рождает цветок лотоса – *步步生莲*); *грудь Лебедина*; *стройная, как береза* и т.д.

Сопоставительный анализ китайских и русских фразеологизмов позволяет сделать следующие выводы:

1. Русские и китайские фразеологизмы, обладающие общими конститутивными признаками, отражают универсальные закономерности мировосприятия носителей русского и китайского языков, что обуславливает сходство в организации фразеологических картин мира.

2. Анализ русских и китайских фразеологизмов показывает, что в их образовании участвуют стержневые компоненты сходной семантической типологии: зоонимы, фитонимы, религиозная и бытовая лексика.
3. К источникам происхождения обеих языков относятся история, мифы, легенды, религиозные учения (в Китае буддизм, в России православие), литературы (в Китае особенно древние классические литературы, в России особенно художественные литературы), философия, пословицы и т.д.
4. Каждый из двух рассматриваемых нами языков использует свои исконные наименования для соз-

дания той или иной фразеологической картины мира. ФЕ китайского и русского языков отличаются по компонентному составу и образной основе. Разница обусловлена особенностями материальной и духовной культуры китайцев и россиян, их образом жизни, а также со спецификой их национального мышления. Можно сказать, что во многом из-за различия в аспекте климатического условия, исторического фона, религиозного верования, национального мышления этих этносов и сложившихся в нем оригинальных культурно-языковых традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. — М.: Индрик, 2005. — 1038 с.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 287 с.
3. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. — Л.: 1946. — 190 с.
4. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. Учебник / И.В. Войцехович. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 509 с.
5. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103. «Иностранный язык». — М.: Просвещение, 1979. — 192 с.
6. Даулет Ф.Н. Языковая картина мира во фразеологии китайского и казахского языков (сопоставительный анализ). — М.: Триумф, 2018. — 258 с.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1996. — 264 с.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / А.В. Кунин. — 3-е изд. — Дубна: Феникс+, 2005, — 488с.
9. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.
10. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской кн., 2008. — 959 с.
11. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. Учеб. Пособие для пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». — М.: Просвещение, 1972. — 327 с.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». — 4-е, изд., испр. и доп. СПб.: — Специальная Литература, 1996. — 192 с.
13. 马国凡. 序言 // 马国凡 谚语锦集. 内蒙古: 内蒙古人民出版社, 2001, 473 с.
14. 周纪生. 俄汉成语词典[C]. 湖北: 湖北人民出版社, 1984, 722.

© Ван Ваньвань (1456208078@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»